

Разговор со зрителем

Ирина

АРХИПОВА:

БИЛЕТ В БОЛЬШОЙ

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, солистка Государственного академического Большого театра Союза ССР Ирина Константиновна Архипова известна и как неутомимый и талантливый пропагандист отечественной оперной классики. Ее размышления о судьбах и проблемах искусства, которыми народная артистка СССР поделилась с нашим корреспондентом В. Свириным, помогут читателям понять, что происходит сегодня с «трудным» жанром.

— Сразу же хочется обратиться к читающему эти строки в «Труде»: что вы выберете, если на стол перед вами положат два билета: один — на концерт какой-нибудь известной рок-группы, второй — на наш спектакль? Испытаю досаду, конечно, если предпочтете первый. Но особенно не удивлюсь, понимая: вот и вновь проявилась болезнь, изми же — театр! — взлелеянная.

Говорят: ансамбль — это современно, а наш жавр — как бы выразиться помягче, не обидно? — устарел, что ли. Сидишь в зале и не понимаешь, о чем поют. Можно, разумеется, возражать: вы знаете английский, французский, итальянский? Нет? Значит, и то, о чем поют все эти западные группы, заполняющие наши радио- и телепередачи, тоже не понимаете? А удовольствие якобы получаете... Только дело-то в другом.

Помню, над кроваткой моего младшего брата, родившегося перед войной, висела черная «тарелка» репродуктора, несколько раз на дню извещавшая: «Граждане, воздушная тревога!» Несмысленный, он вряд ли осознавал их значение, однако именно эти слова брат, начав говорить, произнес первыми. А ныне рок-музыка пронизывает ребенка с пеленок, обрушившая на него свои сглаживающие ритмы из радиоприемника, с магнитофонных лент, пластинок, экранов телевизора... Эти ритмы становятся фоном, на котором он растет. Отсюда и естественный результат — более чем прохладное отношение к музыке, являющейся гордостью нации. Вмешаться бы в ситуацию никак, во во многих школах ныне у нас обходятся без уроков музыки. Мы словно забыли, что нельзя выставлять интеллигентного человека, не приобщая его с детства к рисованию, ленинго, танцу, поэзии... То есть образованным он будет, но «белое пятно» в воспитании (в душе!) сохранится. Откуда же взяться интересу к «Князю Игорю» или «Борису Годунову», «Хованщине» или «Евгению Онегину»? А ведь в них — страницы отечественной истории, всегда живая духовность народа.

Прошу вас, не думайте, пожалуйста, будто я совмещаю тех, кто не ходит в оперу... Не ходят, возможно, и потому, что не удается (не просто это!) достать билет в Большой театр. Или потому, что однажды попал в плохой театр, и с тех пор — basta, не заманишь! Есть и в хороших плохие спектакли, посредственные исполнители. Очевидно, и оттого, что изжила себя система формирования труппы. Сейчас актер, поступающий в театр, поступает навечно. Со временем он может, и такое случается, растерять свои артистические достоинства, но предложить ему администрации уйти, тотчас с жаром вступающая коллеги, профком: жалко! А публику совсем не жалко?

Сейчас мы получим наконец право тарифицировать каждого солиста. Сначала-то народных артистов СССР, лауреатов Ленинской премии, Героев Социалистического Труда возвели как бы в ранг неприкасаемых — подвергать подобной процедуре их не рекомендовалось. Но возобладало здравое суждение: перед искусством мы все равны, и теперь комиссия решает, занимать ли тебе прежнее положение, сократить ли нагрузку, перейти на договор. А если, как говорится, «не тянешь», может предложить исполнение партий второго

репертуара с меньшей, разумеется, зарплатой. Или посоветует сменить работу...

Есть и еще немаловажное обстоятельство. В труппе, не меняющейся десятилетиями, возникают явления застои: творческое состояние уступает место интригам, объективные оценки вытесняются приятельскими привязанностями, при распределении ролей неоправданно возводятся одни и замикаются другие. В двери стучится талантливый исполнитель, а ему отказывают, сознательно принижая откровенную посредственность, т. е. она не конкурент ведущим актерам. У нас также происходило и, увы, происходит периодически. Необходимо, на мой взгляд, действенное лекарство — нечто вроде контрактов. Особенно со «звездами». Да, они нужны любому театру, и все-таки... Замечено: если в нестоличный оперный приезжает на гастроли солист Большого, лучше выступают и местные актеры, и у публики резко повышается интерес.

Считаю, и Большой должен принимать гастролеров. Ведь были же в нем знаменитые Марко дель Монко, Тито Скила, Джорж Лондон. Работали приглашенные из разных стран дирижеры, режиссеры. Приглашали их не ради моды или каприза. Посудите сами: безукоризненная репутация известного миру Клаудио Аббадо, главного дирижера театра Ла Скала. А ведь его сменил столь же блестящий дирижер Риккардо Мути. Аббадо теперь в венской опере, Мути — в Ла Скала. Оба — мастера высочайшего класса. Зачем же перестановка? Затем, что у каждого из них свой почерк, своя палитра, и оркестр, получив нового руководителя, заигрывает у него новые краски, продолжает свой путь к совершенству. Причем процесс этот двусторонний — творчески обогащается и дирижер.

А у нас один и те же режиссер и дирижер на протяжении многих лет ставят оперные спектакли с одним и тем же составом исполнителей. Что мешало пригласить «звезды» ленинградской, Киевской, кишиневской оперы? Пригласить зарубежных коллег для постановки чешской, немецкой, итальянской оперы? Да ничего! Разве что уверенность, что мы и сами все умеем, и мастера со стороны нам ни к чему...

Нет, «к чему!» Вот Е. Светланов на нашей сцене дал жизнь «Сказанию о невидимом граде Китеже»... Спектакль — праздник и для солистов, и для оркестра, и для зрителей. Теперь, когда у нас новый главный дирижер — талантливый Александр Лазарев, надеюсь, что Светланов поставит в Большом и «Золотого петушка». «Мертвыми душами»

вошел в наш репертуар Ю. Тенгирханов. Искупит распрощавшиеся с ним навсегда? Увидим ли мы за дирижерским пультом своего театра В. Федосеева и Г. Рождественского? Театр от такого содружества выиграл бы.

Мы нередко сетуем: ах, опера теряет зрителя! А может, это мы его отворачиваем? Блестящий театр, например, превратился, по сути, в коммерческое предприятие — продает билеты за валюту. Сюда привозят иностранных туристов, которые в большинстве своем у себя на родине оперный театр не посещают. Но их привозят — по программе, как в престижный музей. Оптом по заказам скупают билеты различные организации для участников всевозможных сессий, конференций. Многие из них с радостью отказались бы от «культурохода», да неудобно перед товарищами. Предприятия «выбивают» целые спектакли, мотивируя настойчивость мифическим «желанием трудового коллектива». Администрация театра дозволяет: все билеты проданы, денежный сбор гарантирован, и в перспективе, значит, можно ставить что угодно и где угодно. Итог? Снижение качества спектаклей, консерватизм.

А истинные любители оперы попасть в зал не могут. Уверена: Большой театр не должен был прерывать связь с Московским университетом, с другими вузами. Однако разорвал и тем самым перестал для себя же воспитывать публику.

Всесоюзное музыкальное общество, председателем президиума которого меня избрали, пытается подсказать зрителю и иные дороги к опере. Вот грядет 150-летие со дня рождения Модеста Петровича Мусоргского, гениального русского композитора. Зедуем фестиваль его опер. Летай, под открытым небом, на фоне древних памятников архитектуры. Слажем, в Искоскопском кремле, Или в Ростове Великом. Может, где-то в Годиоскопе. Представляете, как органично впишутся «Борис Годунов» или «Хованщина» в столь естественные декорации? На театральной сцене (кстати, летом почему-то все оперные театры бездействуют) подобного зрелища не достичь. Тогда театр «Эстония» пригласит «Хованщину» на фестиваль в финский город Савонлиина и покажет ее в старом замке — какое было великолепное зрелище! А перед тем «Хованщина» «дезориговнала» в таллинском спортивном зале. И зритель! пришло столько, что огромное помещение оказалось мало! Вот вам и популярность оперы.

Если уж кого винить, то прежде всего себя. Почему нас не беспокоит, что, в частности, в столице закрыты многие концертные залы из-за ремонта, закрываются и Большой театр, а памятники эстетства, которые мы сравниваем с застывшей в канне музыкой, обладающие прискорной акустикой, не используются? Назову Государев двор в Измайлове, Новоспасский монастырь на Таганке, собор на Бутырской улице, костел на Малой Грузинской... Они отваны под какие-то склады, конторы, мастерские, хотя с первого дня своего предназначения музыка: хоровая, симфоническая, камерная... Как оправдывается, чем продиктовано их «отлучение» от культуры?

Мы вправе гордиться великой русской музыкой, имеющей тысячелетний корень. Она — огромный мир, полный тайн и чудес, открытий и открытий. Вступая в него — счастье. Поверьте мне. Уж я-то это знаю точно. И потому говорю: имени своих товарищей по искусству: давайте энергичнее двигаться навстречу друг другу... Хотя билет в Большой достать непросто.